

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А. Н. КОНОНОВ

ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА *DÄGİL* „НЕ ЕСТЬ“, „НЕ“

По характеру формального выражения приименного отрицания все языки тюркской системы распадаются на две группы: выражающие приименное отрицание: 1) с помощью *dägil* (и его фонетических вариантов) и 2) с помощью *ämäs ~ ärmäs* || *ämäs ~ ärmäs* (и их фонетических вариантов); отрицательная форма глагольных основ (2 л. повелит. накл.) образуется одинаково для всех языков: с помощью аффикса *-ма*, *-mä* (или его фонетических вариантов).

Этимология *ämäs ~ ärmäs* || *ämäs ~ ärmäs* совершенно прозрачна; *ä* || *är + mä + ə* || *c*; где *-ä* || *är* — основа вспом. глагола *ä* || *är* || *i* || *ip + mäк*: *-mä*, — аффикс отрицания, *-ə* || *c* < *ρ* — аффикс настоящего-будущего времени.

Как видно из этого анализа, слово *ämäs ~ ärmäs*... есть грамматикализованная форма отрицательного причастия настоящего-будущего времени от глагола *ä* || *är-mäk* 'быть'.

С другой стороны, имеется отрицательное наречие *jok* (с его фонетическими вариантами): 1) 'нет'; 2) 'отсутствующий', 'несуществующий'; 3) 'бедный'; во втором значении ('несуществующий') *jok* совпадает с *ämäs*.

Когда выше говорилось о *dägil* и *ämäs ~ ärmäs*... как о приименных отрицаниях, то под именами имелся в виду также ряд отглагольных форм; к числу таковых, в первую очередь, следует отнести формы: *jaz-ар*, *jaz + ған*, *jaz-мыш*, *jaz-дык*, *jaz-аджак*. Подобные глагольные формы могут использовать для отрицания все три возможности, например, положительная форма узбекского предложения: *jaz + ған + ман* 'я написал' может иметь следующие отрицательные формы: *jaz + ма + ған + ман*, *jaz + ған әмäs + мән*, *jaz + ған + ым jok*. В турецком языке возможны следующие формы: *jaz — мыш — ым* 'я (оказывается) написал': *jaz-ма-мыш-ым*, *jaz-мыш дәйilim*; *jaz-ма-дығ-ым*, *jaz-дығ-ым jok* и т. п.

Приведенные примеры говорят не только о именном характере глагольных форм, но и о том, что отрицание с помощью *-ма*, *-mä* строго обязательно только во 2 л. повелительного наклонения.

Слово *dägil* имеет значительное число фонетических вариантов: *tügil* (джаг., кир.-бараб. В. В. Радлов, Словарь, III, 1536), *dägil* (джаг., III, 1660), *mögi* (казанск. III, 1286) *dägil* (осм.-азерб.-крымск. II, 1656, 1659, 1664), *däl* (туркменское) *dil* (газаузское) и др. В старых текстах это слово встре-

чается в начертании: نکل، نکل، توکول، داکل، داکیل، دکل (М. Кашгарский) ² تاكول и т. п.

Если этимология *ämäz* ~ *ärmäz*, как отмечено выше, ясна, то состав слова *däül* требует кропотливого анализа. В тюркологической литературе известны три попытки толкования состава этого слова; первая из них принималась и в русских тюркологических работах, возводившая *däül* и его фонетические варианты к слову *tjäl* ~ *tjäl* 'целый', 'весь', а это слово семантически сопоставлялось с французским *du tout* в функции отрицания.³ Стоит ли говорить, что это предположение теряет свою доказательную силу, как только мы вспомним, что *du tout* вовсе не является самодовлеющим отрицанием (как *däül*), а служит лишь усилением отрицания.

Б. Коллиндер⁴ возводит *däül* к глаголу *dät-mäk* 'касаться'.

А. ф. Габин⁵ анализирует и разъясняет состав слова *däül* так: „Analog dem obigen * *yog + ol > yogul* erkläre ich es als *täk + ol*; das *täk* bedeutet in den verschiedenen Dialekten stets etwas Defektes: ohne Beschäftigung, ohne Absicht, ohne irgend etwas... Aus dem gleichen Grund wie *yogul* fungiert *tägül* zwar als Prädikat, aber nie als Nomen“.

Было высказано также предположение о том, что „корень [слова *däül*] представлен в глаголах *дағылмак* и *дағытмак*“.⁶

В 1936 г., на III Турецком лингвистическом конгрессе в Стамбуле профессор Жан Дени, читая доклад „О происхождении аффикса *-läp* в турецком языке“,⁷ напомнил мимоходом, что Махмуд Кашгарский в своем словаре выводит *däül* из *дағ + ол*. При этом это предположение М. Кашгарского докладчиком не было никак комментировано.

М. Кашгарский. (III, 114, 1—4), приводя слова *داغ و ذاغ*, переводит их арабским *لَيْسَ* „Дағ, дағ nicht“; *ol anday day ol* 'das ist nicht 'so' [Arçu; gavon leitet K (aşğarı) das *täkül* der Buzz ab]“.⁸

В другом месте (1, 329, 13) М. Кашгарский гузское *نکل* сопоставляет с *داغ ال*, употребляющимся у аргу.⁹

Слово *дағол* — соответствующее по значению и употреблению слову *däül* — встречается в различных фонетических вариантах в ряде живых языков тюркской системы. В форме *dänel* — *däül* оно зарегистрировано у кашкайцев (тюркское племя, обитающее в Фарсе).¹⁰ Форму, приводимую

¹ См. Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, стр. 402.

² См. еще: ЗКВ, II, стр. 264.

³ J. Deny. Grammaire de la langue turque, Paris, 1921, стр. 283.

⁴ B. Collinder Reichstürkische Lautstudien. Uppsala Universitets Årsskrift, Uppsala, 1939, Bd I, стр. 44.

⁵ A. v. Gabain. Die Natur der Prädicates in den Türksprachen. K Cz-A. III. 1. 86—87.

⁶ Dördüncü Türk Dil Kurultayı, 1942. İstanbul — Ankara, 1943, стр. 196. — Besin Atalay. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. İstanbul, 1942, стр. 325.

⁷ J. Deny. Türkçede „ler“ edatının menşei. Üçüncü Türk Dil Kurultayı (1936), İstanbul, 1937, стр. 291—295.

⁸ C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kāşğaris divān lugāt at-türk, Leipzig, 1923, стр. 60. См. теперь по новому турецкому переводу Б. Аталая („Endeks“ под словом *dağ*).

⁹ К. Броккельман (ук. соч., стр. 201) сопровождает это замечание М. Кашгарского ироническим восклицательным знаком „tägül... als dayoll...“

¹⁰ А. А. Ромаскевич. Песни кашкайцев. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. V вып. 2, стр. 592—593, 602. Вариант *däül* встречается только один раз (стр. 602).

М. Кашгарским (см. выше), находим в записях В. Минорского: *chibuch chäk'mäg'i havul day* 'to smoke a pipe is not good'.¹ См. еще в глоссарии: *day, dayil*²

В анатолийско-турецких диалектах это слово зарегистрировано в самых разнообразных формах: *доғул* (вил. Кастамону)³, *д̄āl, d̄ā'l, d̄ājil* (вил. Чорум); *д̄āil, d̄āl, d̄āvil* (вил. Мерзифон, Амасья); *д̄ōğjl* (вил. Чанкыры, Амасья); *д̄ōvjl* (вил. Амасья);⁴ *дағул* (Зап. Анатолия, Кашарские юрюки); *даул* (говоры Кескина и Кыршехира).⁵

В форме *док, доғол* это слово встречается в койбальском языке.⁶ В форме *д̄ō'jil ~ д̄ō'li ~ д̄ō'ji ~ д̄ō'j* оно зарегистрировано в одном из нухинских говоров азербайджанского языка;⁷ *д̄ō'j* есть, несомненно, вариант *дағ*. Современный ногайский язык знает форму *дувул-тувул-тувыл*,⁸ восходящую к *дағол*: чередование *ğ ~ v* — широко распространено в языках тюркской системы. В „Codex Comanicus“ интересующее нас слово встречается в формах *d̄āvl, d̄ājl*.⁹

Для шорского, сагайского и койбальского языков слово *d̄āil* зарегистрировано в форме *чоғул* (В. В. Радлов, Словарь, III, 2004); замечу, кстати, что В. В. Радлов поясняет слово *чоғул* через форму *жоғул*, ставя между ними знак равенства (III, 2015).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что:

1) *d̄āil* (и его фонетические варианты) и *дағол* функционально и семантически равнозначны;

2) *d̄āil ~ дағол* — является сложным словом, состоящим из *дағ + ол* (NB! начертание М. Кашгарского: *داغ اول*).

Ничто не мешает видеть во втором компоненте этого слова, т. е. в *-ол* — указательно-личное местоимение 3-го л. ед. ч. 'тот — он'.

Значительные трудности для этимологизации представляет первый компонент, т. е. *дағ*. Учитывая указание М. Кашгарского и данные живых языков (см. выше), что *дағ* имеет значение 'не — нет' и что начальному согласному *д ~ т*, с которым сохранилось интересующее нас слово, по законам тюркской фонетики соответствует *ј, дж, ч, ж, с* (*јок, джок, чок, жок, суок*),¹⁰ я прихожу к выводу, что первый компонент (т. е. *дағ*) восходит к слову *јок*¹¹ в одном из его фонетических вариантов, а именно *док — доғ*. Чередование в инлауте *д ~ ј* — общеизвестно; чередование *д ~ ј* в анлауте подтверждается следующими фактами: в ойротском языке звуку *ј, дж, ж* других языков в начальной позиции соответствуют *д̄:*

¹ V. Minorsky. The Turkich Dialect of the Khalaj. Bull. of the School of Oriental Studies, vol. X, Part. 2, 1940, стр. 420.

² Там же, стр. 425.

³ Türkiye'de halk ağzından söz derleme dergisi. Istanbul, I, 1939, стр. 453.

⁴ A. Caferoğlu, Anadolu ağzılarınca toplama... Istanbul. 1943, стр. 213—216.

⁵ Dördüncü Türk Dil Kurultayı. стр. 195. — В. Atalay, ук. соч. стр. 325.

⁶ A. Castren. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre. St.-Petersburg, 1857, стр. 62.

⁷ Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Тр. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, в. 6, Баку, 1926, стр. 105.

⁸ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Л., 1940. Вариант *дувул* см. стр. 189, 241; *тувул — тувыл* стр. 254; *тувыл* стр. 171.

⁹ W. Radloff. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St.-Petersburg, 1837, стр. 50.

¹⁰ Якутская форма.

¹¹ Это предположение впервые мною было высказано в „Грамматике турецкого языка“ (Л., 1941, стр. 49, прим. 1).

дьок 'нет', *дьол* 'дорога', *дьакшы* 'хороший', *дьаман* 'худой'.¹ Ср. койбальское *daxse* = *jaxшы* 'хороший' *dite* ~ *dité* = *jämi* 'семь', *düs* ~ *tüs* = *jüz* 'сто'.² „У алтайских калмыков (*j*, — А. К.) произносится, как смягченное, едва слышное, *m*; у телеутов смягченный звук *m* слышен совершенно ясно; у кондомских татар или шорцев произносится как смягченное *ч*. Например *jол* для шорского и кондомского поднаречия мы будем произносить *чёл*, для телеутского *тёл*...“³

В якутском языке *j* в начальной позиции чередуется с *c*, *дж*, *дь*.⁴ Чередование *j* ~ *д* (или *д*-образного звука) в начальной позиции подтверждается также некоторыми историческими свидетельствами; так, в тюркологической литературе есть указание на то, „что звук *j* в ранние периоды заменен *d* и *j*. Таковы, например, название реки Урал у Менандра (*dauīq* или *jauīq*), титул ябгу у тахаристанских тюрок VII в. н. э. (*dabūya или *jabūya*). К таким языкам, у которых вместо *j* стоит *d* и *j*, принадлежит киргизский, шорский, сагайский, древне-якутский и болгарский языки“.⁵ Похоронный ритуал, обозначаемый в орхонских надписях словом *юб*, в византийских источниках VI в. передается формой *dochia*.⁶

Приведенные материалы убедительно говорят в пользу признания *доф* фонетическим вариантом *жок*.⁷

Что касается качества гласных в интересующем нас слове, то в языках тюркской системы чередование *a* ~ *ä*, *o* ~ *ö*, *y* ~ *ü*, *i* ~ *ı*, *a* ~ *ı*, *ä* ~ *i* наблюдается весьма широко и связано с чередованием согласных *ɟ* ~ *g* ~ *k* ~ *k*.

Естественно возникает вопрос: почему в так называемых „йюкающих“ языках это слово имеет *д* || *m*-окающую форму, т. е. *д* || *m* — *ɟ* || *z* — *л* || *l*, а не *j* — *ɟ* || *z* — *л* || *l*? Ответить на этот вопрос, по понятным причинам, можно только сугубо предположительно. Вероятно, йюкающие и *д* || *m*-окающие формы развились параллельно, а может быть, формы с начальным *д* || *m* первороднее йюкающих форм, косвенным подтверждением чего может служить эволюция срединного *д* > *j* (или точнее: *д* > *з* ~ *j*): *адак* — *азак* — *ajak*. Генетически первородная форма *док* || *доф* могла в результате грамматикализации этого слова закрепиться именно в этой форме, а форма *жок* и ее фонетические варианты стали функционировать только как наречие отрицания.

Изложенное позволяет, как мне кажется, с известными основаниями предположить, что слово *дäil* (и его фонетические варианты) возникло из *д · ɟ* || *z · л* || *l* (где *·* — гласный любого качества), следовательно, отрицательная форма имени строилась и воспринималась так: *ол тјүрк дафол*

¹ „Знаком *дь* обозначается среднеязычный смычный глухой или факультативно полуглухой (в начале изолированного слова) и звонкий в середине слова“ (Н. П. Дырекова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 30).

² А. Castren, ук. соч., стр. 17. Ср. еще: Zu der interessantesten gehört der im Anlaut eintretende Wechsel verschiedener aus einem ursprünglichen j hervorgegangener Laute; es kann das j nämlich in t, d n. übergehen“ (там же, стр. IX—X).

³ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 3—4.

⁴ „... *dj* есть палатализованный *d*... всегда возникает из *дж* и всегда слово с этим звуком имеет параллельную форму, где на смену *dj* звучит *дж*: *djiä* 'дом' = *dja* (С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. 1900, стр. 2—3).

⁵ А. Бернштам. Следы джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. Памяти акад. Н. Я. Марра, Инст. Языка и Мышления, Л., 1933, стр. 18. Там же (сноска 2) указание на главнейшую литературу вопроса.

⁶ А. Бернштам, ук. статья, стр. 13, прим. 2.

⁷ „Wir wissen, das dem heutigen *yog* im Frühertürkischen ein *doq d. h. *doq* entsprochen hat“ (W. Bang. Das privative Suffix — *süz*. Türkologische Briefe, IV, U J. 1927, Bd. VII, H:ft 2, стр. 42).

‘он тюрк — не он’ = ‘он не тюрк’. Причем *д · ғ · л* не синонимично русскому ‘не’ (не-большой), ибо это тюркское слово включает в себе предикативность (‘не есть’), которая могла возникнуть только из местоимения *ол*, которое и превратило имя в предикат.

Но с другой стороны, параллельное употребление форм *дағ* и *дағол*¹ указывает на то, что для выражения отрицания требуется лишь наличие этого слова (еще в форме *дағ*) в абсолютном конце предложения, т. е. „чтобы имя оказалось предикатом (в именном, иначе номинальном, предложении) требуется особое синтаксическое построение, в котором предикативное значение имени в предложении устанавливается синтаксическим путем...“² С момента выделения местоимений, сначала одноличного местоимения (*ол*), которое обслуживало все лица или, точнее, коллективное „лицо“, появилось формальное выражение предикативности через оформление имени местоимением. Указанные выше употребления обеих форм: „чистое“ имя (*дағ*) и имя, оформленное местоимением (*дағол*), — пережиточно отражают процесс становления именного предиката. С развитием местоимений 1 и 2 л. форма *дағол*, как „неличная“, стала тем морфологическим фундаментом, на котором развились все прочие лица.

¹ А. Castren, ук. соч., стр. 62. — V. Minorsky, ук. соч., стр. 425.

² Акад. И. И. Мещанинов. Общее языкознание. Л., 1940, стр. 117.